

Елена Федюкина

"И звезда с звездою говорит..." :
(посвящается 200-летию юбилею
М. Ю. Лермонтова)

Elpis 16, 221-225

2014

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

«И звезда с звездой говорит...» (посвящается 200-летнему юбилею М. Ю. Лермонтова)

Елена Федюкина

Москва

ladperezvon@gmail.com

Елена Федюкина, «*Two stars begin a dialogue...*», *Elpis*, 16 2014: 221-225.

Елена Федюкина, «*I gwiazda rozmawia z gwiazdą...*», *Elpis*, 16 2014: 221-225.

Abstract: 2014 marks the 200th anniversary of the birth of the second greatest Russian poet (after Pushkin) Mikhail Lermontov. Although Lermontov died at the age of 26, he nevertheless left people a great deal of his wonderful poems. People have remembered and kept these poems for two hundred years. The author of this article describes Lermontov as a poet with high poetic way of thinking. His best poems are devoted to the exploring the meaning of life. Searching for truth showed him the way to the harmony depicted in his best poems. We can find a reflection of this harmony in his poems prayers. They exist not only as poems but also as songs. At the same time, the dissonance between the life and work aroused his anxiety. This anxiety can be found in foreseeing his own death. Lermontov was always interested in the history and heroic life of the Russians. During his last years, he created a historic poem based on Russian history. Here, he described the spiritual health of Russian people and showed the sources of the Russian spirit.

Streszczenie: W bieżącym 2014 roku przypada 200-setna rocznica Michała Lermontowa, następnej po Aleksandrze Puszkynie wyżyny poezji rosyjskiej. Poeta nie zmarnował 26 lat życia darowanych mu przez los, przez ten krótki czas bowiem potrafił nagromadzić obszerny spadek poetycki, który ludzie przechowują w pamięci na przeciągu już prawie dwóch stuleci. Lermontow jest rozpatrywany w artykule jako poeta, który osiągnął szczyty myśli poetyckiej poświęcone poszukiwaniom ukrytego sensu ludzkiego życia. Owe drogi ku prawdzie otwarli dla niego wizję harmonii, którą zawierają jego najlepsze utwory, w tym wiersze-modlitwy, istniejące również w postaci muzycznej. Jednocześnie rozdźwięk życia i twórczości stawał się źródłem niepokoju, który się wyrażał sporadycznie jako wizja rychłej śmierci. Poeta ciągle powracał również do wątku historycznego – w ostatnich latach jego życia powstał poemat historyczny, w którym rozstrzyga problem źródeł zdrowej egzystencji narodu i mocy jego ducha.

Аннотация: Нынешний 2014 год – юбилейный для великого русского поэта Михаила Юрьевича Лермонтова, второй величины русской поэзии после Пушкина. Судьба отпустила поэта 26 лет жизни, и за этот короткий срок он сумел составить обширное поэтическое наследие, которое люди хранят и помнят вот уже два столетия. Лермонтов рассматривается в статье как поэт высокой поэтической мысли – вершины его творчества посвящены разгадке сокровенных смыслов бытия. Поиски истины открыли ему путь к гармонии, выраженной в его лучших стихах, замечательными проявлениями которой стали стихотворения-молитвы, живущие не только в стихотворной, но и в песенной форме. В то же время диссонанс жизни и творчества рождал у него тревогу, проявлявшуюся порой в предвидении собственной кончины. Лермонтова постоянно влекла к себе историко-героическая тема. Последние годы жизни ознаменовались созданием поэмы из истории России, в которой он решает проблему духовного здоровья народа и истоков силы его духа.

Keywords: Russian poet, hero, mountains, best poems, heaven, Moscow, poetical genius, soul, eternity, cross, lyric poetry, love, prayer, harmony, prediction, death, people, stars

Słowa kluczowe: Rosyjski poeta, bohater, góry, szczyty poezji, niebios, Moskwa, geniusz twórczy, dusza, wieczność, krzyż, liryka, miłość, modlitwa, harmonia, przepowiednia, zgon, naród, gwiazdy

Ключевые слова: Русский поэт, герой, горы, вершина поэзии, небо, Москва, творческий гений, душа, вечность, крест, лирика, любовь, молитва, гармония, предсказание, кончина, народ, звезды

«Спит земля, пустыня внемлет Богу, и звезда с звездой говорит...»¹, – эти лермонтовские строки из стихотворения «Выхожу один я на дорогу» вплел в свою проповедь о Рождестве Христовым известный пастырь русского зарубежья прот. Александр Шмеман, описывая картину глубокой бездонной восточной ночи... Ночь, в которую родился Спаситель, стала откровением для пастухов, стерегущих стада, и для мудрецов-волхвов, занятых изучением светил. Как часто, читая лермонтовские стихи, мы заглядываем в этот безбрежный космос, с которым была сцеплена нерасторжимо судьба поэта с такой звучной шотландской фамилией и с таким печальным взглядом черных глаз. Что он пел? К чему стремился? Почему так рано ушел и что завещал нам?

На эти вопросы с большей или меньшей пронизательностью дают ответ литературоведы, мы же попытаемся взглянуть на Лермонтова как на поэта высоты, приобщиться хотя бы отчасти к воистину космической мощи его творчества, в глубинах которого спрятаны ответы на вопросы о смысле человеческого бытия.

Ни рождение, ни детские годы Лермонтова не были связаны с горным пейзажем. Что Москва, что Тарханы Пензенской губернии – равнина... Однако, еще в детстве были поездки на Кавказ, и уже тогда горные вершины и небесные дали встревожили воображение пылкого подростка.

«Твоим горам я путник не чужой:
Они меня в младенчестве носили
И к небесам пустыни приучили...»

(поэма «Измаил-Бей»)

¹ Строка из ст. Лермонтова «Выхожу один я на дорогу...».

«Небеса пустыни» – удивительный образ созерцания невозмутимой вечности, близ которой парило сердце поэта. В каком-то смысле Лермонтов был прикован к Кавказу обстоятельствами жизни и тот щедро вскормил его живыми образами южной природы.

«Горные вершины спят во тьме ночной,
тихие долины полны свежей мглой...» –

эти строки, гениальное переложение стихотворения Гете, не были бы написаны, если бы поэт искренно не полюбил горный пейзаж. Там, в горах, Лермонтов «как невесту», обнимал душою природу Кавказа и восхищался ею, как его свободолюбивый до иступления Измаил-Бей.

Так было и впоследствии во время творческого акта: Лермонтов внутренне как бы взбирался на некую вершину и оглядывал оттуда себя, свою жизнь и мир. Даже в процитированном выше стихотворении «Выхожу один я на дорогу» поэт с перспективы равнинной, казалось бы, местности, оказывается совсем близко к звездам, так что ничего не в состоянии созерцать, кроме Млечного пути («сквозь туман кремнистый путь блестит») и Земли, спящей «в голубом сиянии».

Принимаясь за описание панорамы Москвы по заданию учителя словесности школы гвардейских подпрапорщиков В.Т. Плаксина в 1834 г., Лермонтов взбирается на вершину колокольни Ивана Великого, откуда примечает не «безмолвную громаду камней», но ощущает «душу и жизнь» первопрестольной, внемлет ее «языку сильному, звучному, святому, молитвенному». «Какое блаженство, – там же восклицает он, – разом обнять душою всю суетную жизнь, все мелкие заботы человечества, смотреть на мир – с высоты!» Да ведь и последний лермонтовский вздох был испущен на горе Машук, над пропастью, где он стоял перед дулом пистолета и прямо смотрел в лицо смерти. Видно, не случайно Михаил Юрьевич был так чуток к высоте, помогавшей ему постигать сокровенные смыслы бытия. С другой же стороны, поэт, вероятно, предчувствовал, что до высоты своего творческого гения дойти ему не суждено... Однако желание взлететь, приподняться над обыденным миром никогда не оставляло поэта. Пусть же лермонтовские «тучки небесные, вечные странники», его спутники по изгнаннической судьбе, помогут нам обозреть поэтические вершины поэта, на которых замирает сердце от ощущения близости к истине.

Одна из самых ярких жемчужин лермонтовской поэзии – романтическая, написанная как будто на одном дыхании поэма «Мцыри». Произведение, сквозь которое пульсирует жаждающее свободы и самозабвения человеческое сердце. Тот огонь, что горел в душе юноши-пленника – это святой огонь поиска правды, дарованный человеку Богом, жег сердце и самого Лермонтова, опального поэта, одинокого странника по жизни. В своем странничестве, по каким бы неровным путям не шел поэт, где-то высоко над ним парил крест, символ спасения.

«В теснине Кавказа я знаю скалу,
Туда долететь лишь степному орлу,
Но крест деревянный чернеет над ней,
Гниет он и гнется средь бурь и дождей.

И много уж лет протекло без следов,
С тех пор, как он виден с далеких холмов.
И каждая кверху поднята рука,
Как будто он хочет схватить облака.

О если б взойти удалось мне туда,
Как я бы молился и плакал тогда;
И после я сбросил бы цепь бытия,
И с бурею братом назвался бы я!»

(«Крест на скале»)

Церковь «на крутой вершине», к которой на поклоненье спешат облака, появляется и в финале поэмы «Демон». Она хранима «святой властью», и никто и ничто, никакой «ропот человека» не в силах возмутить мирного сна упокоившихся здесь Тамары и ее отца Гудала.

«Демоническая» тема у Лермонтова издавна привлекала внимание исследователей, и толкование ее в разные эпохи и разными исследователями было различно. Отрадно, что накануне юбилейного для Лермонтова года вышло исследование «Тайна Лермонтова» авторства игумена Нестора (Кумыша), в котором тот проливает новый свет на сложную интригу поэмы. Как известно, Лермонтов над «Демоном» работал долго и постоянно его переделывал, пока не пришел, наконец, к окончательной редакции, в которой Тамара одерживает победу, хотя и посмертную, над злым духом. Демон же, как отмечает петербургский исследователь, «так и остается духом зла, застывшим в своем бессильном и бессмысленном богоборчестве»².

«Дни испытания прошли;
С одеждой брэнною земли
Оковы зла с нее ниспали.
.....
Ценой жестокой искупила
Она сомнения свои....
Она страдала и любила
И рай открылся для любви!»

С одной стороны, читатель становится свидетелем борьбы добра и зла, по-лермонтовски, ангела смерти и тихого ангела жизни, а с другой, – утверждения высшей ценности любви («Любовь насильства не боится, Она хоть презрена – всё бог»).

Действительно, мысль о святости и вечности любви, и самоотвержении во имя ее неуклонно развивалась в творчестве Лермонтова. Еще в «Боярине Орше» (1835), поэме, ставшей предшественницей «Мцыри», захватывает образ свободолюбивого пленника Арсения, бежавшего в Литву, однако вернувшегося после сражения к своей милой. В замке пылкого юношу

² Нестор (Кумыш), игумен. Тайна Лермонтова. СПб.: Библиополис, 2012. с. 324.

встретила лишь «громада белая костей» и густая длинная коса, – всё, что осталось от возлюбленной. «Так вот всё то, что я любил!» – восклицает Арсений почти как Пушкин в стихотворении, посвященном Амалии Ризнич («Так вот кого любил я...!»)³. Поэты недоумевают, как могли любить то, что так просто перестало существовать. Иначе говоря, любовь лермонтовского героя обращена не просто к телесной оболочке возлюбленной («здесь прах ее, но не она»), но к чему-то более глубокому, уходящему в вечность («душа прекрасная ее, приняв другое бытие, теперь парит в стране святой»). Туда, в эту желанную страну, устремляется и душа самого поэта.

«Боярину Орше» созвучна иная, с одноименным героем Арсением, поэма «Литвинка». В ней носителем вечной любви становится преданная Арсением его жена, отправленная в монастырь и льющая слезы о нелепо погубленной душе своего разнузданного мужа. Жизнь Арсения прошла «на ложе наслаждения и в бою». Привез он однажды с поля войны наложницу – литовскую девушку Клару, и этим разбил и жизнь своей семьи, и свою собственную. После бегства Клары со своим «огневым» умом и сердцем он сделался злодеем и, пытаясь залить кровью врага свою ненависть, погиб в бою с литовцами. Клара вдохновила своих соплеменников кличем: «кто первый мне его покажет кровь, тому моя рука, моя любовь»⁴. Отчаявшийся во всем Арсений ни в ком не возбуждает жалости, кроме бывшей супруги. Любящее и страдающее сердце покинутой женщины рождает у поэта образ березки, выросшей в трещине развалин, корней которой не могут обнажить «усилья вихря и дождей». Как она похожа на преданную Веру из не написанного тогда еще «Героя нашего времени», как перекликается с реальным серьезным увлечением самого поэта – Варварой Лопухиной!

Это глубокое чувство, быть может, не умерло даже вместе со смертью поэта. К Варваре Александровне (Вареньке) Лопухиной⁵, обращены многие стихотворения, в том числе непревзойденная жемчужина любовной лирики «Я, Матьер Божия, ныне с молитвою...». Варвара Лопухина была для Лермонтова воплощением самых ценных поэтом человеческих качеств: естественной доброты, женственности, чистоты, душевной мягкости, врожденного такта, простосердечия⁶.

«Однако, все ее движенья,
Улыбка, речи и черты
Так полны жизни, вдохновенья,
Так полны чудной простоты...»

(«Она не гордой красотой...»)

Здесь можно было бы ограничиться упоминанием о чувстве, которое, после замужества Вареньки, стало

для Лермонтова незаживающей сердечной раной, если бы не одно обстоятельство, о котором при жизни вряд ли могла помышлять ни Варвара Александровна, на десять лет пережившая поэта, ни сам поэт. Всё началось с того, что во время поездки в Симонов монастырь целой компании молодежи с Молчановки⁷ Лермонтов близко познакомился с Варенькой и стал с тех пор часто бывать у Лопухиных. Не нужно быть особым поклонником Лермонтова, чтобы знать, где покоится его прах – конечно же, в пензенских Тарханах. Где же упокоилась Варвара Александровна, знают, увы, немногие.

Время и потомки часто вели себя безжалостно в отношении к памятникам, в том числе и могильным. Сколько захоронений, даже известных людей, не уцелело! Праху же Варвары Александровны поклониться может каждый из нас. Рядом с ней в московском Донском монастыре покоятся останки известных духовных (в том числе и настоятелей монастыря) и светских лиц. Достаточно упомянуть имена архиепископа Амвросия (Шаховского), генерал-фельдмаршала Н.В.Репнина, героя Отечественной войны 1812 г., главнокомандующего Москвы графа А.П.Тормасова. В XX веке здесь нашли упокоение мощи патриарха Тихона. Действительно, захоронение в стенах храма не могло быть случайным, это несомненный знак благоволения церковных властей. Вероятно, Варвара Александровна продолжала традицию своего рода, славившегося своей благотворительностью. Известны отдельные представители рода Лопухиных, принявшие монашеское звание.

Старая чугунная плита с надписью «Варвара Александровна Бахметева (урожденная Лопухина) 1815–1851» находится ближе других к раке святителя Тихона в Малом соборе Донского монастыря. Вот так распорядилась судьба... Должно быть, действительно, «лучшего ангела прекрасная душа», как о том молил Лермонтов, не позабыла о своем земном чаде. Не милость ли это Божия к человеку большой души и чистого сердца, каким была Варвара Александровна Бахметева (Лопухина)?! И пусть не сохранились письма к ней Лермонтова – они были сожжены ее сестрой Марией – зато в целостности и сохранности пребывает еще один храм, связанный с ее именем. Речь идет о церкви, построенной Николаем Федоровичем Бахметевым, мужем Варвары Александровны, в надежде на выздоровление жены в селе Федоровка Самарской губернии – имении Бахметева⁸. Ныне это Благовещенский храм – старейший памятник истории и архитектуры г. Тольятти.

«С людьми сближаясь осторожно,
Забыл я шум младых проказ.
Любовь, поэзию, - но вас
Забыть мне было невозможно»

(«Валерик»)

³ Ст. А.С. Пушкина «Под небом голубым страны своей родной...».

⁴ По мнению многих исследователей, образ Клары был вдохновлен поэмой Мицкевича «Тражина».

⁵ В замужестве Бахметева.

⁶ Образ ее стал прототипом героинь «Княжны Мэри», «Княгини Лиговской» и адресатом множества стихотворений.

⁷ На Малой Молчановке весной 1830 г. поселилась, в ближайшем соседстве с Лопухиными, Е.А. Арсеньева, бабушка поэта, вместе с внуком.

⁸ В честь Варвары храм был первоначально назван Варваринским, однако впоследствии был переосвящен.

Не забыта она и теми, кому дороги Лермонтов, сохранивший преданность своей первой любви, и вообще русская культура. Воистину, «любовь для неба и земли святыня...»⁹.

Должно быть, по гармоничности лермонтовские стихи уступают пушкинским, но, тем не менее, творчеству поэта присуще стремление к этой гармонии. Это желание, выражаясь словами его Демона, «примириться с небом», приводило поэта к переживанию цельности жизни, слитности с мирозданием. «Когда волнуется желтеющая нива, и свежий лес шумит при звуке ветерка», поэт может постигнуть счастье на земле и в небесах увидеть Бога. Вольготно и умиротворенно льются памятные строки в альбом Н.С. Карамзиной:

«Люблю я больше год от году,
Желаньям мирным дав простор,
Поутру ясную погоду,
Под вечер тихий разговор».

А замечательные стихотворные молитвы поэта! Приведем одну полностью. Она так цельна, что не позволяет прервать себя даже в цитировании:

«В минуту жизни трудную
Теснится ль в сердце грусть;
Одну молитву чудную
твержу я наизусть.

Есть сила благодатная
в созвучье слов живых,
И дышит благодатная,
Святая прелесть в их

С души как бремя скатится,
сомненья далеко –
и верится, и плачется,
и так легко, легко...»

Лермонтовскую молитву невозможно было не переложить на музыку. Теплая, тонкая мелодия Глинки сплелась накрепко с гениальными строками. Более того, исследование судеб этого стихотворения приоткрывает любопытный факт из жизни поэта. Записка В.Ф.Одоевского к поэту¹⁰ свидетельствует о том, что М.Ю. Лермонтов получил от доброжелательно настроенного к нему будущего автора «Русских ночей» Евангелие и книгу Паисия Величковского с просьбой читать их и сообщать о своих впечатлениях от «Добротолубия»¹¹.

К сожалению, нет сведений о том, внял ли Лермонтов, духовному совету своего доброго знакомого. Однако неоспоримо то, что в последних своих стихах он одолел вершину простоты и ясности поэтической мысли, мужественно и честно ожидая своего конца-венца. По-разному можно относиться к суждению

замечательного русского философа А.Ф. Лосева о том, что язык – это модель мира¹², однако в применении к Лермонтову, оно, действительно, «работает». Язык поэзии М. Ю. Лермонтова создает не только поэтический мир, то неудержимо романтический, то печально лирический, то русско-сказочный, эпический, но в какой-то мере и прогнозирует его судьбу. Предсказание собственной ранней кончины мы неоднократно встречаем у поэта. С «пророческой тоскою» поэт делится своими предчувствиями со своим заочным собеседником:

«Кровавая меня могила ждет, могила без молитв»
(«Я предузнал мой жребий, мой конец...»)

«Наедине с тобою, брат,
Хотел бы я побыть:
На свете мало, говорят,
Мне остается жить!»

(«Завещание»)

«И будет спать в земле безгласно
То сердце, где кипела кровь,
Где так безумно, так напрасно
С враждой боролася любовь...»

(«Оправдание»)

И я паду, и хитрая вражда
С улыбкой очернит мой недоцветший гений».

(«Не смейся...»)

Лермонтовская грусть вообще необыкновенно светла и благородна, начиная с его хрестоматийного «Паруса», «Ветки Палестины» и заканчивая такими шедеврами, как: «На севере диком ...», «Выхожу один я на дорогу», «Тучки небесные...». Поэт внутренне собирается, пытаюсь сказать что-то очень для него важное перед вечным прощанием.

Еще одна лермонтовская тема высоко ставит его поэзию – это поднятая им в историческом контексте тема славянства, души русской, ее идеалов. Звучит она, прежде всего, в лермонтовских поэмах, таких как «Последний сын вольности», «Песня про купца Калашникова»¹³. Если «последний сын вольности» Владимир потерпел поражение в бою с князем-пришельцем Рюриком, то купец Степан Парамонович Калашников победил бессовестного опричника, слугу царского, за что грозным царем был приговорен к смертной казни. Оба героя гибнут, однако, если первый в полной безнадежности («Надеждою обольщена вотще¹⁴ душа славян ждала возврата вольности...»), то гибель купца, поднявшегося на защиту чести жены и семьи, звучит печально-светлым аккордом: несмотря на нравственное вырождение опричников, народ сохраняет душевное здоровье и готов скорее на смерть, чем на бесчестье. Единственное прижизненное издание сочинений Лермонтова, кстати, начиналось именно этой московской

⁹ Строка из поэмы «Измаил-Бей».

¹⁰ Написана после 5 августа 1839 г. См.: Найдич Э.Э. Еще раз о Штоссе // «Лермонтовский сборник». Л., 1985. С. 210–211.

¹¹ Одоевский В.Ф. Дневники. Переписка. Материалы. Ред. М. В. Есипова. М: ГЦММК им. Глинки, 2005. См. Интернет-ресурс: <http://ru.wikisource.org/wiki/>.

¹² Ср.: Лосев А. Ф. Философия имени. М.: ЭКСМО-Пресс, 1999. С.127.

¹³ Полное название поэмы: «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова».

¹⁴ Т.е. напрасно.

песней¹⁵. Кленовый крест над «безымянной могилкою» купца Калашникова превращается в символ вечной памяти о добре и необходимости хранить его. Эта историко-патриотическая, решаемая в нравственном ключе тема, зачинателем которой в русской литературе стал создатель «Истории государства Российского» Н.М. Карамзин, была подхвачена впоследствии замечательным, еще донныне не вполне оцененным поэтом и писателем А.К. Толстым (вспомним хотя бы его «Князя Серебряного», Трилогию). Ее бы развил, наверняка, и сам Лермонтов, поживи он подольше.

В одной из последних поэм поэта «Сказка для детей» появляется образ невской волны, смывающей

«роковые следы» «роковых событий» и освобождающей место высокому небу с голубыми «улыбающимися» звездами.

«Как будто мир достоин их любви,
Как будто им земля небес дороже...
И я тогда..., я улынулся тоже».

Нам трудно представить улыбающегося Лермонтова: ни один из портретов не запечатлел его улыбки. Однако в наших силах открыть свои сердца пламенной поэзии поэта и порадоваться, что «под одной звездой» мы «были рождены» с тем, кто чувствовал «святое вечности зерно» в сердце человека¹⁶.

¹⁵ Первый сборник стихотворений Лермонтова вышел за восемь месяцев до его кончины 25 октября 1840 г.

¹⁶ Строки из ст. Лермонтова «Я верю: под одной звездой...» и «Мой дом».

Литература

Андреев И. М. Русские писатели XIX в. М.: Изд. дом Русский паломник. Валаамское общество Америки, 2009.
Лермонтов М. Ю. Сочинения в двух томах. М.: Правда. Т.1. – 1988, т. 2. – 1990.
Лермонтовская энциклопедия/ АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); Гл. ред. Мануйлов В. А. М.: Сов. Энцикл., 1981.

Лосев А. Ф. Философия имени. М.: ЭКСМО-Пресс, 1999.
Нестор (Кумыш), игумен. Тайна Лермонтова. СПб.: Библиополис, 2012.
Одоевский В.Ф. Дневники. Переписка. Материалы. Ред. М. В. Есипова. М: ГЦММК им. Глинки, 2005.

Rozmiar artykułu: 0,55 arkusza wydawniczego